
А.С. Анохин

ОПОРА ИЛИ УГРОЗА: РОЛЬ ГРЕКО-МАКЕДОНЫЯН
В РАЗВАЛЕ ДЕРЖАВЫ СЕЛЕВКИДОВ

Аннотация: Статья посвящена роли греко-македонского населения в коллапсе органов управления державы Селевкидов во второй половине II в. до н. э. — феномену, определившему стремительный закат этого государства. Главным симптомом этого процесса стали частые узурпации власти в Сирии. Их социальной основой служил протест греко-македонян, которые, составляя основу армии и администрации, и получая прямые выгоды от этого, выражали недовольство резким сокращением активности царей после поражения в войне с Римом (192–188 гг. до н. э.).

Ключевые слова: Сирия, Селевкиды, держава, монархия, армия, войско, мятеж, узурпатор, протест, эллинизм, греко-македоняне

Abstract: The article focuses on the role that the Greek-Macedonian population of the Seleucid Empire played in the collapse of the imperial government in the second half of II century BC, which caused a quick dawn of this monarchy. The process expressed itself primarily in frequent usurpations and *coups d'état* in Syria. The study of the sources shows that the usurpers' claims found their social support among the Greek-Macedonians, who formed the core of the army and imperial administration, benefited from this, and were discontent because of the sharp decrease of the central power's activity after the military defeat by Rome (188 BC).

Key words: Syria, the Seleucids, empire, monarchy army, usurpation, coup d'état, protest Hellenism, the Greek-Macedonians

Данная статья является приглашением к размышлению о характере государственности в самом обширном и одном из наиболее могущественных царств эпохи эллинизма — державе Селевкидов, точнее, — о факторах, которые предопределили ее крах и превра-

шение к последним десятилетиям II в. до н. э. в заурядную ближневосточную деспотию. Как правило, этот процесс описывается в науке как медленно прогрессирующий политический упадок на фоне растущего влияния Рима, а затем — и экспансии парфян. Основной упор делается на династической неразберихе и частых узурпациях власти. Такой подход находится в соответствии с представлением о внутренней слабости, рыхлости державы. Причем критическим моментом для начала этих изменений называют 160-е гг. до н. э. — время установления в восточной части Средиземноморского бассейна нового внешнеполитического порядка — во главе с Римом¹.

Вопрос о конкретных механизмах этого процесса все же далек от разрешения. Что являлось основной действующей силой, которая привела к фактическому параличу центральной власти еще до того, как на восточные владения державы обрушились парфяне? Первопричиной явно не были подвластные общины, которые, в целом, еще долго хранили верность династии, хотя и осознали быстро, что могут извлечь выгоды из трудностей, с которыми столкнулись Селевкиды. Если искать первопричину в иностранном вмешательстве во внутридинастийные дела Сирии, то нуждается в прояснении, почему это вмешательство не встречало сопротивления и имело столь губительные последствия. А кроме того, — как узурпации II в. до н. э. сущностно соотносятся с более ранними узурпациями — столь же характерным явлением для державы Селевкидов в III в. до н. э.?

При поиске ответов на эти вопросы долгое время не учитывалась роль одного из ключевых составных элементов (наряду с царской властью и подвластными общинами) в структуре государства Селевкидов, а именно: греко-македонского населения державы — потомков тех колонистов, которые расселились на просторах Ближнего Востока и Ирана во время походов Александра и войн диадохов и которых Селевкиды привлекали к военной службе. Этот пробел не так давно попытался восполнить в своей статье П.Ф. Миттаг².

¹ См., например: *Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World.* Oxford, 1941. Vol.2. P. 842–843; *Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus.* München, 2008. S. 130–131; *Meissner B. Hellenismus.* Darmstadt, 2007. S. 66–68; *Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.).* T. 2. Nancy, 1982. P. 359; 365; 373–375; 410; *Heinen H. Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra.* München, 2003. S. 45–47; *Chamoux F. Hellenistic Civilization.* Malden, 2002. P. 119–125 (перевод книги 1981 года).

² *Mittag P.F. Blood and Money: on the Loyalty of the Seleucid Army // Electrum.* 2008. 14. P. 47–56.

В греко-македонских колонистах исследователь видит главный фактор, цементирующий державу, отстаивающий ее единство. На основе материалов источников мы попытаемся показать, что данный тезис сильно упрощает картину. Для этого необходимо уточнить и отчасти пересмотреть роль военных колонистов в функционировании сирийской монархии во второй половине II в. до н. э. и даже поставить вопрос об их ответственности за развал государства.

Восточные источники называют державу Селевкидов государством эллинов и македонян, предполагая их политическое главенство³. Селевкидский царь считал себя македонянином (см.: *Austin*. 166 (Вавилония)), значительная часть его приближенных, а также военно-административного аппарата (включая стратегов в провинциях и руководителей военной организации ниже уровня сатрапии) были потомками греко-македонских колонистов. Для пополнения этого слоя командиров и управленцев самого высокого уровня в державе Селевкидов существовал исконный македонский институт царских «пажей» (οἱ βασιλικοὶ παιῖδες)⁴. Греко-македоняне формировали костяк царской армии (конницу и фалангу), а также гвардию (пешую и конную)⁵. Службой они и их потомки были обязаны монарху за предоставленные им наделы земли⁶. Кроме того, за свою службу воины получали от государства жалование серебром очень высокой пробы⁷. Представители иных народностей державы также

³ См.: Эсф. 8: 12k; о (Septuaginta); 1 Макк. 1:10; *Jos. Ant. Jud.* 12.7.6; 11.2

⁴ См., например: *Polyb.* V. 82. 13, традиционный для македонской монархии институт: *Hammond N.G. L. Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during the Period of the Temenid Monarchy* // *Historia*. 1990. Bd. 39. Ht. 3. P. 261–290; *Heckel W.* “Somatophylakia”: a Macedonian “cursus honorum” // *Phoenix*. 1986. Vol. 40. No 3. P. 281–282. Он хорошо известен нам по карьере будущего узурпатора Диюдота Трифона (*Strabo* XVI. 2. 10). Путь из командиров в чиновники прописан в письме Деметрия I к иудеям (1 Макк. 10:37).

⁵ См.: 1Макк. 10:71; *Diod.* XXXIII. 4a.1; *Polyb.* V. 50. 7–8; ср. с исконной македонской практикой: набор по всем городам царства: *Liv.* XXXIII. 3. 1, при Филиппе V.

⁶ *Billows R.A.* *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden; New York; Köln, 1991. P. 160–169. Обычный размер клеров составлял от 5 до 10 га обрабатываемой земли (RC 51). Величину такого клера устанавливало государство, исходя из технических критериев (пеший воин или конный); обосновавшийся в городе или находящийся в лагере. От этого землевладения следует отличать пожалованные знати земли: поместья, достигающие площади 200 га или право на сбор доходов с деревень (RC. 10–13; 18–20; 70; *Sardis* VII. 1. 1).

⁷ См.: 1 Макк. 10: 36 (Деметрий I обещает еврейскому отряду, если он будет предоставлен, то же жалование, что получают все остальные войска, из чего можно сделать вывод, что войска, набранные непосредственно в державе, получали такое же жалование, что и наемники). Средняя плата составляла около 1 драхмы в день.

привлекались в армию, но список этих воинских частей часто менялся⁸, а процесс вербовки был опосредован политическим диалогом между царем и руководством данной общины (см., например: 1 Макк. 10: 35–37)⁹. Набор рекрутов из числа греко-македонских колонистов осуществлялся без подобных промежуточных звеньев — на основании раз и навсегда заключенного договора между династией и колонией (ср.: *Diod. XXXIII. 4a. 1*).

Плотность расселения греко-македонян по территории державы не была равномерной. Наибольшей она была в западной Малой Азии (Лидии и Фригии), а также Северной Сирии с Северной Месопотамией¹⁰. Определенное число колонистов проживало в Келесирии, в конце III в. до н. э. присоединенной к державе¹¹. Из этих центров (главным образом, из первых двух) и производились военные наборы. Максимальное число воинов, на которое одновременно могли рассчитывать цари, едва ли превосходило 40 тысяч человек¹².

См.: *Aperghis G.G. The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire. Oxford, 2004. P. 201–203; Chaniotis A. War in the Hellenistic World. A Social and Cultural History. Oxford, 2005. P. 82–84.*

⁸ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 54–55.

⁹ Впрочем, следует помнить, что термин «македоняне» являлся еще и техническим. В свои военные *катойкии* Селевкиды включали и коренное население. Данные: *Bar-Kochva B. The Seleucid Army. Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976. P. 45; 227–228.* Одна из последних публикаций на этот счет: *Fingerson K.R. Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna // AncSoc. 2007. Vol. 37. P. 107–120.*

¹⁰ По месту их набора «македонские» контингенты в армии Селевкидов греки и римляне называли лидийцами и фригийцами (*Liv. XXXVII. 40. 11*), а также сирийцами (*ibidem; Plut. Flam. 17.5*). В западной Малой Азии (Лидии и Фригии) хорошо известны *катойкии* македонян (*Бикерман Э. Указ. соч. С. 52; Robert L. Études anatoliennes. Paris, 1937. P. 191–193; Ma J. Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 2000. P. 117. Not. 38*). Хорошо известна и интенсивная колонизация Сирии (см., например: *Seyrig H. Séleucos I et le fondation de la monarchie Syrienne (Antiquités Syriennes. 92) // Syria. 1970. T. 47. No 3–4. P. 291–310; Bar-Kochva B. The Seleucid Army. P. 20–42*).

¹¹ *Ibid. P. 35–36.*

¹² Так, известно, что для битвы при Рафии Антиох III на вербовал в Сирии (поскольку в Малой Азии действовал узурпатор Ахей) 20000 воинов фаланги. А уже дополнительный контингент в 10000 фалангитов набирался по некоему экстраординарному принципу (*Polyb. V. 79. 4–5*). У Полибия они названы «отборными» (ἐκλελεγμένοι) и носят серебряные щиты — безусловно, знак отличия, хотя его конкретное назначение остается неясным. Скорее всего, это ветераны (об *аргураспистах* у македонян см.: *Lock R.A. The Origins of the Argyraspids // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 3. P. 373–378*); возможно также, это гвардейцы (*Bar-Kochva B. The Seleucid Army. P. 60; Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies (168–145 BC). Vol. 1: Seleucid Army. Stockport, 1994. P. 14*), но едва ли туземцы, как предполагал Э. Бикерман

В Вавилонии колонистов проживало меньше (поэтому, например, восточная столица державы, Селевкия-на-Тигре, была населена преимущественно вавилонянами¹³), в «верхних» сатрапиях греко-македонян было мало; в армию царя их не вербовали, а привлекали для охраны наиболее важных укрепленных мест по пути следования основных маршрутов и дорог¹⁴.

В III в. до н. э. нам практически неизвестна политическая активность этого населения.¹⁵ В первые десятилетия II в. до н. э. ситуация круто меняется, и связано это, очевидно, с тем, что военная активность Селевкидов после поражения в войне с Римом заметно сокращается. С этого момента выступления регистрируются часто, и они всегда являются реакцией на безынициативность царя, выражают опасения за возможные ее плачевные последствия и стремление подвигнуть монарха на более активные действия, которые бы потребовали привлечения военной силы, читай — армии, набранной из числа греко-македонских колонистов.

Так, в 163 г. до н. э. население открыто воспротивилось тому, что римское посольство (Гн. Октавий, Сп. Лукреций и Л. Аврелий) распорядилось сжечь военные корабли династии и покалечить боевых слонов. Сам Октавий при этом погиб (*Polyb.* XXXI. 12(2). 9–14; 19(11). 1–2; 32. 6–7(2–3)). Малолетний царь Антиох V и его опекун Лисий потеряли всякую популярность, и в скором времени столица без труда была захвачена другим претендентом на трон — Деметрием I.

(Государство Селевкидов. С. 70); см. также: *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 615. Таким образом, около 20000 пехотинцев — это все, что могла дать Сирия. Надо полагать, приблизительно столько же можно было набрать и в Малой Азии. К этому еще нужно прибавить конницу — 2000 копий.

¹³ *Саркисян А.Х.* Самоуправляющийся город в селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С. 68–83.

¹⁴ Определенное число колонистов было расселено в восточной Мидии (*Diod.* XIX. 44. 4, 46.1; 46.15; *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. P. 32). Целью такой диспозиции была, очевидно, защита Каспийских ворот. Сложная задача по контролю за местными князьями досталась военным поселенцам в Персии (*Polyaen.* VII. 39–40; *Frye R.* A History of Iran. Munich, 1984. P. 160). См. также: *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Т. 1. М., 1960. С. 130–131. Ср.: *Polyb.* V. 54. 8: Антиох III отпускает воинов, служивших у Молона, служить по домам, а не берет их с собой (см. также: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 237. Примеч. 68). Для охраны восточных владений династии, наоборот, требовались дополнительные людские вливания. Так, известно, что здесь служили галаты (*Polyb.* V. 53. 3).

¹⁵ Ср.: *Ehling K.* Unruhen, Aufstände und Abfallbewegungen der Bevölkerung in Phönicien, Syrien und Kilikien unter den Seleukiden // *Historia.* 2003. Bd. 52. Ht. 3. S. 300–302.

Понимание причин беспокойства греко-македонян, как кажется, к тому моменту у власти уже сложилось. По крайней мере, древняя историография (восходящая, очевидно, к Полибию) упоминает мнение только что утвердившегося на троне Деметрия I, что *мир опасен для его власти* (*Just.* XXXV. 1. 1)¹⁶. Однако внешнеполитические инициативы Деметрия I носили интриганский характер, никоим образом не задействовали основного потенциала государственного аппарата. Пользуясь непрекращающейся междоусобицей в царском доме Птолемеев, Деметрий пытается купить (!) Кипр у птолемеевского наместника Архия (*Polyb.* XXXIII. 5. 1). За обещанное вознаграждение он берется за то, чтобы возвести на трон соседней Каппадокии одного из претендентов, Ороферна. Такие паллиативные инициативы и сами по себе не приносили успеха, и не могли исправить отношения населения к царю. Деметрий оставался крайне непопулярен, особенно в Антиохии. Царя обвиняли в излишней прижимистости (*Diod.* XXXI. 32a), а со временем — в затворничестве, алкоголизме и бездействии (*Jos. Ant.* XIII. 2; *Polyb.* XXXIII. 19. 1). Ороферн после недолгого правления на родине вновь оказался в Сирии и в результате козней был заточен Деметрием, но горожане его освободили. Надо полагать, — в надежде, что это подвигнет их царя на более активные действия против Каппадокии. После того как царевич вновь попал в руки властей, из Антиохии его пришлось перевезти в соседнюю Селевкию. В дальнейшем среди наемников Деметрия I нашелся один македонянин, возрастом и внешностью очень похожий на македонского царевича Филиппа (сына Персея). Антиохийцы потребовали, чтобы их царь помог юноше вернуть отцовский трон (*Diod.* XXXI. 40a).

Тем временем маховик династийной борьбы начал раскручиваться. Появился новый претендент на трон, Александр Бала, самозванный сын Антиоха IV Эпифана, поддержанного Эвменом II Пергамским и царем Египта Птолемеем VI Филометором. В 150 г. до н. э. в сражении с Балой Деметрий I погиб. Впрочем, и в Александре

¹⁶ Ход мыслей в тексте Юстина таков: Деметрий, видя опасность для своей власти, пренебрегает стабильностью и миром и начинает без видимых на то причин и поводов строить козни против соседней Каппадокии. Отголоски этих размышлений читаются и у Диодора, когда историк пишет, что для Деметрия чернь всегда была источником опасности (XXXI. 40a. 1). И скорее всего, авторство должно быть приписано наиболее авторитетному и достоверному историку этого периода — Полибию, лично знавшему Деметрия еще царевичем, когда оба жили заложниками в Риме, и следившему за его дальнейшей судьбой — уже в качестве царя.

сирийцы быстро разуверились: праздность и лень — главные характеристики юноши, которые мы находим в источниках, хорошо знакомых с настроениями в Сирии (*Just.* XXXV. 2. 2). У Птолемея VI, меж тем, появился новый ставленник — Деметрий II (сын Деметрия I). А вскоре и сам египетский царь оказался с войском в Сирии. Опасаясь и Балы, и Деметрия, жители Антиохии и войско предложили царскую диадему Птолемею (*Jos. Ant.* XIII. 113 (4.7); ср.: *Diod.* XXXII. 9с; *Just.* XXXV. 2. 3). Тот, впрочем, отказался, а в решающий момент в битве со своим недавним протезе погиб, как и сам Бала, и в Сирии воцарился Деметрий II.

Самый красноречивый пример борьбы греко-македонского населения за свое право служить монархии Селевкидов (и извлекать из этого выгоду!) относится к периоду правления именно этого царя (145–140 гг. до н. э.). Под нажимом критских наемников, на которых опирался, Деметрий распустил греко-македонскую армию, велел отправиться «каждому в свою землю»¹⁷. Это привело к возмущению, а затем и открытому мятежу. Заметим, что в источниках, относящихся к этому времени, греко-македонская армия зовется не иначе как «армией отцов»¹⁸, что лишний раз указывает на силу протеста против инициативы Деметрия II — протеста, который подчеркивал, что царь разрушает установление, освященное памятью его предков. На волне этого возмущения к власти пришел офицер высокого происхождения Диодот Трифон (1 Макк. 11: 38; *Jos. Ant.* XIII. 129–130 (4.9); *Just.* XXXV. 2. 3). Вначале прикрытием для его власти был сын Александра Балы малолетний Антиох VI, однако впоследствии мальчик был убит, а от войск Трифон добился, чтобы те провозгласили его царем (142 г. до н. э.: *Jos. Ant.* XIII. 219 (7.1))¹⁹.

¹⁷ *Habicht Ch. The Seleucids and Their Rivals // САН². Vol. VIII. 1989. P. 365; обсуждение см.: Bar-Kochva B. The Seleucid Army. P. 59–62 (предполагает, что распущена была гвардия, находившаяся при царе постоянно; ср.: *Jos. Ant. Jud.* 13). По косвенным данным, Б. Бар-Кохва устанавливает ее численность как 10 тысяч человек. Однако проверить эту цифру сложно.*

¹⁸ См.: 1 Макк. 11:38: αἱ δυνάμεις αἱ ἀπὸ τῶν πατέρων; *exercitus patrum*; см. также параллельный текст: *Jos. Ant.* XIII. 129–130 (4.9), термин встречается также у Юстина (XXXV. 2. 3: *milites paterni*).

¹⁹ Связи Трифона с армией подчеркивает и нумизматика этого периода. На столичных серебряных тетрадрахмах Антиоха VI изображались Диоскуры — покровители коневодства и, следовательно, в данном контексте конницы (SC. II. 2000). Монеты отмечены монограммой «ТРΥ», имеющей прозрачное значение. На собственных серебряных и бронзовых монетах Трифон стал помещать македонский шлем (SC. II. 2029–2033), украшенный рогом. Этот монетный тип появляется еще при Антиохе VI (драхмы: SC. II. 2003; обсуждение символики см.: SC. II. Vol. 1. P. 337).

Конец его власти вскоре положил еще один сын Деметрия I, Антиох VII. Он сумел консолидировать владения державы, однако и сам погиб во время своего восточного похода против парфян (129 г. до н. э.). Для нашего вопроса нелишним будет заметить, с какой неподдельной скорбью позднее вся Сирия оплакивала своего любимца (*Just.* XXXIX. 1. 1; 6). Во время его правления царская власть в Сирии переживает кратковременный период укрепления, обнадеживавшего греко-македонское население²⁰. После смерти Антиоха VII эти надежды уходят окончательно, а движение греко-македонян вырождается: протест еще остается, но его цели кардинально меняются. В 128 г. до н. э. сирийцы и войско, не желая терпеть власть Деметрия II, отправляют посольство Птолемию VIII Фискону с просьбой поставить над ними какого-нибудь другого царя из династии Селевкидов (*Jos. Ant.* XIII. 267 (9.3)). Не было и надежды, что египетский царь позволит сильному правителю закрепиться в Сирии. Этот мятеж уже имел только одну цель — просто избавиться от Деметрия II. Фискон прислал с войском еще одного пустого кандидата — Александра Забину.

Резюмируем изложенные выше наблюдения: в условиях, когда царь не мог обеспечить бесперебойную работу державного аппарата принуждения (прежде всего, военной машины), греко-македонское население, получавшее прямые выгоды от своего участия в работе этого аппарата, начинает открыто выражать свое недовольство. Отметим — перед нами массовое движение. Греко-македоняне выступают синхронно и слаженно. За 30 лет после Антиоха IV выступления населения с фактическим требованием активизации царской политики наблюдались в столице Антиохии, крупном порту Лаодикее, в военных поселениях, таких, как Лариса Апамейская. Активность, очевидно, связанная с этими событиями, отмечается и в военном центре державы — Апамее²¹. Сюда же, возможно, стоит прибавить и тесное сближение, которое наблюдается в начале 40-х гг. II в. до н. э. между

²⁰ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Т. 1. С. 248; Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 236.

²¹ Гражданский коллектив Апамен во время узурпации власти Трифоном воюет против Ларисы. Об этой войне рассказывает в своем комическом сообщении Посидоний, уроженец Апамен (FGrHist. Па. 87. F 2 = *Athen.* IV. 176b–c). Пассаж содержится в 3 книге его «Истории», и сам конфликт должен относиться к концу 40-х или началу 30-х гг. II в. до н. э.; очевидно, ко времени Трифона (см.: *Engels J.* Posidonium of Amasia and Strabo of Amasia on the Decline of the Seleucid Kingdom // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor.* Wiesbaden, 2011. P. 184).

Антиохией и Селевкией: в это время города совместно выпускают бронзовую монету с легендой: ἀδελφῶν δῆμων («народов-братьев»)²².

Существенно еще одно обстоятельство: центрами политической активности, как правило, являются греко-македонские полисы — каждый по отдельности. Особенно выделяется на этом фоне столица — Антиохия, но не стоит забывать и Ларису Апамейскую — город, который Посидоний Апамейский особо отмечает среди тех, кто поддержал претензии Диодота Трифона на верховную власть. В последнем случае заметим, что Трифон происходил не из Ларисы, а из другого городка, пусть и той же Апамейской сатрапии, — Касиан, поэтому речь здесь не может идти о некоем «местечковом» патриотизме ларисейцев.

Трижды в выступлениях упоминается общий греко-македонский социально-политический институт — войско (στράτευμα) — т. е. армейская сходка²³: в эпизодах с Птолемеем VI, Диодотом Трифоном и Александром Забиной.²⁴ Однако едва ли стоит делать из этого вывод о большой политической роли этого института в описываемых событиях. Последний пример в этом смысле маловыразителен вследствие своей маргинальности, но, как указывалось, просьба к Фискону не могла даже гипотетически иметь серьезных социальных последствий в Сирии, а значит, и социальной опоры у нее не было. Само посольство, следовательно, полностью было инспирировано верхушкой (городской и придворной), намеревавшейся избавиться от Деметрия II.

Первый и второй эпизоды нуждаются в более детальном обсуждении. Начнем с истории с Птолемеем VI. Диодор, обращаясь к тому же сюжету, не упоминает армию, зато утверждает, что народ в городе к выступлению подготовили Диодот (Трифон) и Гиеракс (XXXII. 9с), бывшие министры Александра Балы. И, по всей видимости, речь идет только об участии командиров высокого ранга. Формулировка

²² *Bellinger A R.* The End of the Seleucids // *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences.* 1949. Vol. 38. P. 60; *Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus I to the Arab conquest. Princeton, 1961. P. 121. Впрочем, не исключено, что чеканка не имела прямого политического подтекста: *Rigsby K. J.* Seleucid Notes // *TAPA.* 110. 1980. P. 242–248.

²³ *Hammond N.G.L.* The Continuity of Macedonian Institutions and the Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // *Historia.* 2000. Bd. 49. Ht. 2. P. 141–147.

²⁴ «Четвертый» эпизод, где антиохийцы и войско переходят от Александра Балы к Деметрию II (*Just.* XXXV. 2. 3), очевидно, является сокращением текста, близкого к тому, что мы находим у Иосифа Флавия, и который должен восходить к Николаю Дамаскину (т. е. эпизоду с Птолемеем VI в Антиохии).

Диодора вызывает больше доверия, поскольку историк, скорее всего, как и в других местах труда, посвященных Сирии, напрямую обращается к хорошо осведомленному источнику — Посидонию Апамейскому²⁵, в то время как Флавий здесь работал с традицией более позднего автора — Николая Дамаскина, а тот, не исключено, — с какой-то официальной селевкидской хроникой (ср.: *Jos. Ant.* XIII. 250–251 (8.4)).²⁶ Характерно также, что и сам Флавий не упоминает войска далее, когда пишет о том, как Птолемей VI созвал антиохийцев на (народное) собрание (ἐκκλησία) и убеждал принять Деметрия (*Ant.* XIII. 114 (4.7)), хотя практика созыва ἐκκλησίαν καὶ τοὺς στρατιώτας была ранее хорошо известна (ср.: *Diod.* XVI. 4. 3 — Македония, сер. IV в. до н. э.).

Что касается событий 142 г. до н. э., необходимо обратиться к их контексту. Провозглашение себя царем для человека, не имевшего родственных связей с домом Селевкидов, было большой политической авантюрой. За 20 лет до этого подобное уже совершал наместник Тимарх²⁷, но это было в далекой Мидии, а не в сердце Селевкидской монархии — в Сирии. Узурпатору пришлось открыто порывать со многими сложившимися традициями, ассоциировавшимися с Селевкидами. Трифон изменяет прежний монетный тип, принимает невиданный для представителей династии титул — Ἀυτοκράτωρ («Самовластный»), вводит датировку не по Селевкидской эре, а по годам собственного правления (SC. II. 2042–2043; 2045–2048)²⁸. Поэтому узурпатор отчаянно нуждается в любой формальной легитимации собственной власти. В этом ключе и следует понимать эпизод с провозглашением его царем, которое последовало от войска. Формальный характер этой процедуры был хорошо понятен уже древним. Фактической властью к моменту провозглашения Трифон обладал уже несколько лет. И, по версии, переданной Флавием, после гибели юного Антиоха VI он за огромную взятку (*Ant.* XIII. 219 (7.1)) добивается царской диадемы. Сама процедура выглядит декоративно.

Весь эпизод лишний раз подтверждает всю значимость апелляции к македонскому воинскому этосу, которую мы часто встречаем

²⁵ *Engels J.* Posidonius of Apameia. P. 182–185.

²⁶ Об Николае Дамаскине как источнике Флавия см.: *Shutt R.J.H.* Studies in Josephus. London, 1961. P. 79–92.

²⁷ Свидетельства о провозглашении Тимарха царем: *Diod.* XXXI. 27a; SC. II. 1588–1593.

²⁸ *Habicht Ch.* Seleucids and Their Rivals. P. 367; SC. II. Vol.1. P. 336–338.

в державе моменты борьбы за власть. Прежде всего, это касается узурпаторов, в частности, Тимарха. В пропаганде власти этого узурпатора вообще много зачатков того, что после придется реализовать Трифону. Он также избирает не вполне обычный для Селевкидов титул — Μέγας (Великий), показывая тем самым, что ассоциирует себя не со всей династией, а только с Антиохом III (ср.: OGIS 245) и, очевидно, с его успешным восточным походом. Кроме того, сохраняя традиционные селевкидские монетные типы или, по меньшей мере, обращение к традиционным для династии богам, Тимарх вводит и свой тип — он нередко изображается в беотийском шлеме, на оборотной стороне таких монет мы видим скачущих Диоскуров (SC. II. 1588–1590). Другие узурпаторы неизменно проявляют особую заботу о войске (см.: *Polyb.* V. 48. 16 – Молон; V. 57. 8 – Ахей). В минуту политических трудностей (особенно неурядиц в династии) такое обращение к военной тематике, призванное подкупить симпатии войск и колонистов, использовали и легитимные правители²⁹.

Однако в изучении подобных эпизодов сложность представляет именно то, что армия действительно является мощным орудием, институтом, с которым царь волей-неволей вынужден считаться. Что, однако, отнюдь не означает политического самосознания самих войск. В этом отношении особенно показателен пример Ахея, родственника дома Селевкидов, человека, очевидно, прошедшего процедуру провозглашения царем (см.: *Polyb.* V. 57. 1). Воины, признавая его царем, легитимным правителем — «царем по природе» — продолжают считать молодого Антиоха III, очевидно, потому что его родственные связи с предыдущим царем были ближе (Селевку III он приходился братом)³⁰. Но и эти соображения воины озвучивают только тогда, когда Ахей намеревается напасть на Антиоха III (*Polyb.* V. 57. 1–8). Войско отказывается от похода, и, очевидно, — по прагматическим соображениям: из страха перед более чем вероятной неудачей всего начинания, поскольку как легитимный царь Антиох имел больше шансов собрать сильную и боеспособную армию. Близок по смыслу и печальный опыт двух других узурпаторов: Молона и Тимарха. Войска первого фактически сдались царю

²⁹ Так, вдова Селевка IV царица Лаодика с маленьким Антиохом на руках (175 г. до н. э.) избирает для бронзовой столичной чеканки монетный тип «женский профиль / голова слона», что должно было ассоциировать царицу и ее сына с воинским этосом. Hoover O.D. Two Seleucid Notes: II. Laodice IV on the Bronze Coinages of Seleucus IV and Antiochus IV // *AJN.* 2002. Vol. 14 . P. 81–87.

³⁰ *Mittag P.F.* Blood and Money. P. 49–50.

(*Polyb.* V. 54. 1–2), второй, нет оснований сомневаться, был быстро побежден Деметрием I (*App. Syr.* 47)³¹.

Таким образом, мы можем заключить, что, хотя идея о волеизъявлении армии осталась частью воинского этоса, столь близкого для населявших державу греков и македонян, и, бесспорно, составлявшего фон для всего общения царя с армией, но в действительности эти политические традиции остались исключительно формальностью и фикцией³². Что касается конкретных событий II в. до н. э., то социальный протест перерос границы армии, и основными действующими лицами этого протеста были уже города. Поэтому и фактическое участие регулярных войск отражено слабо — они просто стали частью этого общего движения.

Если говорить о социальной основе протеста II в. до н. э., трудно предположить, что рядовое население, рекруты, на которых ложились основные тяготы войны, были инициаторами этих выступлений. Хотя, безусловно, сокращение притока серебра в греко-македонские города державы, где военнообязанное население составляло значительный процент, должно было существенно снизить уровень жизни и тем, в свою очередь, неизбежно подогревало недовольство. Настоящим инициатором выступлений являлась греко-македонская знать, у которой было много поводов для беспокойства задолго до того, как Деметрий II вознамерился отказаться от услуг «армии отцов». Есть данные, которые позволяют утверждать, что к середине II в. до н. э. вообще происходят значительные изменения в характере организации элиты в державе. Материалы касаются, прежде всего, такой группы, как «друзья царя», окружения монарха, людей (в том числе иноземцев), которые тем или иным образом царю были интересны, в том числе, и по политическим соображениям.

В III — первой половине II вв. до н. э. (до Александра Балы) «друзья» — это, в основном, греки. Большинство (известно 19 имен) — выходцы из западной Малой Азии, что лишний раз говорит о большой заинтересованности династии в делах этого региона³³. Точно установленных выходцев из числа греко-македонских

³¹ Нумизматические данные о правлении Тимарха вне вверенной ему сатрапии (Мидии) крайне скудны, что отчасти объясняется краткостью этого периода (SC. II. Vol. 1. P. 141–142).

³² Ср.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 11–12; Adams W.L. The Hellenistic Kingdoms // The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Cambridge, 2006. P. 45–46.

³³ Savalli-Lestrade I. Les “philoi” royaux dans l’Asie hellénistique. Genève, 1998. (nos. 1, 3, 5, 9, 15, 19, 21, 26, 32, 35, 42, 48, 55, 57, 62, 64, 67–69).

колонистов меньше — 12, но их число наверняка должно быть больше за счет тех персоналий, чье происхождение точно не отмечено³⁴. Одной из важных функций института «царских друзей» было поддержание управляемости провинций. Стратеги в наиболее проблемных сатрапиях и наместники более высокого ранга нередко были «друзьями царя»: таковы Зевксид («родственник царя»), Птолемей, сын Доримена, Тимарх. Известен также случай при Антиохе III, когда в недавно отвоеванном городе в Карии (Алинде) наместником был оставлен царский друг Хионид³⁵.

Во II в. до н. э. эта функция института «царских друзей» становится гораздо более заметной. Этот статус все чаще приобретают главы коренных подвластных общин. Характерно, что, например, иудейскому первосвященнику Ионафану последовательно Александр Бала, Деметрий II и Антиох VI даруют титул «царского друга», причем при Бале Ионафан последовательно проходит сразу несколько рангов внутри этой группы («друзей», «первых друзей», а затем «родственников»)³⁶. Позже и сменивший Ионафана Симон получает тот же статус³⁷. Политическая необходимость такого шага ясна. Коль скоро во II в. до н. э. царь не мог проявлять ту же военную активность, что и в III в. до н. э., нужны были иные меры для сплочения местных элит вокруг монархии³⁸. Дарование главам подвластных общин статуса «царских друзей» являлось одной из таких мер. И эти процессы не могли не смущать греко-македонскую военную элиту, которая видела, как буквально на глазах тают ее преимущества. Это порождало мощный протест и требование более активных действий со стороны царя, на которых и строили свои претензии узурпаторы. В результате держава Селевкидов, все еще оставаясь одним из крупнейших государственных образований древности и не испытывая прямой агрессии со стороны окружающих государств, все же столкнулась с коллапсом органов управления.

³⁴ Ibid. nos. 23, 27, 33, 39, 43, 45, 50, 52, 60, 72)

³⁵ Ibid. no. 29.

³⁶ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 44; Savalli-Lestrade I. Les “philoi”. nos. 77, 79, 82.

³⁷ Ibid. nos. 81, 87.

³⁸ Иную трактовку этому феномену середины II в. до н. э. см.: Dreyer B. Wie man ein “Verwandter” des Königs wird — Karrieren und Hierarchie am Hofe Antiochos’ III // New Studies on the Seleucids. Kraków, 2011. P.103. Исследователь проникновение представителей местных элит в состав царских «друзей» связывает с сокращением территории владений и, следовательно, числа этих элит, что увеличивало значение каждой из них в отдельности.

Возникает вопрос, что же мешало царской власти исполнить требование греко-македонян. Прежде чем ответить на него, суммируем некоторые важные моменты и попытаемся обрисовать, какое место это население занимало в структуре этого государства. Перед нами общность, которая сильно зависела от выплат из царской казны: элита и значительная часть рядовых членов греко-македонян связывала свое благосостояние исключительно со службой царю. В этой среде обнаруживается социальная дифференциация (она находит свое выражение в степени приближенности к царю, размерах находящейся в распоряжении земельной собственности и т. д.), но при этом его центральные институты (армейские сходки) не имеют политического значения, а единство всей группы проявляется, главным образом, в связи с той функцией, которую она выполняет, — т. е. военной службой царю.

Таким образом, мы снова возвращаемся к давно закрепившемуся в науке тезису о глубоко персональном характере царской власти в державе Селевкидов³⁹. Но каким образом греко-македоняне, вчерашние завоеватели, оказались отодвинуты на второй план, потеряли всякий политический вес, превратились, по существу, в наемников царя? В конечном итоге социально-политическое положение этого слоя в державе определялось характером самих владений — огромных сухопутных пространств, лишенных дешевых видов коммуникаций, рыхлого конгломерата⁴⁰ городов, племен, народов, храмовых общин, слабо контактирующих друг с другом, мало стремящихся к интеграции.

В таких условиях главным структурообразующим элементом державы были автономные общины, которые и определяли важнейшие стороны жизни значительной части ее населения: хозяйственную и религиозную жизнь, право, суд⁴¹. Монархии оставалась роль собирателя этих полунезависимых общин, и в сравнении с ними центральная власть практически полностью поглощена одной функци-

³⁹ Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. Вып. 1. Саратов, 2005. С. 84; *Musti D. Syria and the East* // *САН*². 1984. Vol. VII. Part. 1. P. 178; *Adams W.L. The Hellenistic Kingdoms*. P. 45–46.

⁴⁰ См., например: *Heinen H. Geschichte des Hellenismus*. S. 77–78.

⁴¹ О положении автономных городов в царстве см., например: *Бикерман Э. Государство Селевкидов*. С. 131–133. *Ehrenberg V. The Greek State*. London, 1969. P. 191–205.

ей — военной.⁴² Эта наиболее существенная дихотомия в организации державы: автономная община — монархия, — определила и положение вчерашних завоевателей, греко-македонских колонистов.

Сообразно с военной функцией и масштабностью задачи по объединению значительных владений устроен и работает весь государственный механизм державы. В этой связи обратим внимание лишь на земельное право Селевкидов (поскольку оно касается основного средства производства доиндустриальных обществ). Это право сугубо функционально: земля являлась стимулом для держателей служить царю, поэтому государство отстаивало условный характер этих держаний.⁴³ Т. е. интересы держателей защищены только в той степени, в какой сами держатели функционально полезны государству. Это, кстати, сильно отличает державу Селевкидов от Римской империи, где центральные власти действовали в рамках римского права, защищавшего собственность и хозяйственную деятельность любого римского гражданина. И эта правовая культура опиралась на сильную римскую *civitas*.

Конечно, греко-македонские поселенцы державы Селевкидов еще не могли сравнивать свое правовое положение с положением римских граждан. Но вот сопоставление с правовой защищенностью членов автономных общин державы напрашивалось само собой. Нет ничего удивительного в том, что рядовые колонисты либо являлись, либо стремились стать гражданами защищавшей их права автономной общины, как это можно заключить из хорошо известных декретов Смирны при Селевке II (OGIS. 229). Удержать их на службе центральные власти могли лишь щедрыми выплатами серебром в ходе военных кампаний. Жизнь большинства рядовых греко-македонян была связана с их полисом и его установлениями, монархии они только служили — по существу, в качестве наемников.

⁴² О значении военного компонента в политической жизни державы см., например: *Ma J. Antiochos III*. P. 106–121. Функция собирателя находила определенную поддержку среди заинтересованных общин, однако, следует признать, прежде всего, опиралась на возможности аппарата принуждения. В связи с этим характерен акцент, который ряд исследователей делает на роли функционеров — их успехи или неудачи критически сказывались на целостности владений, считает, например, Дж. Рамси (*Ramsay G. Seleucid Administration – Effectiveness and Dysfunction Among Officials // Seleucid Dissolution*. P. 38)

⁴³ Отголоски этого сохранились даже в полисах, основанных династией. См.: P. Dura. 5 (Дура-Европос, III в. н. э.) — порядок наследования *клер*. Очевидно, это связано с наследственной обязанностью службы за такой участок (ср.: RC 51, Пергам — документ среди прочего оговаривает право бездетных на *клер*). См.: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 227–248.

Если продолжить обсуждение земельного вопроса, мы увидим, что даже крупные домены знати были слабо защищены. В ряде случаев (в том числе при покупке) такую землю позволяли приписать к полису, что автоматически делало держателя собственником⁴⁴. Такая знать, обладая крупными доменами в полисах, в отличие от рядовых поселенцев, уже являлась выразителем определенной политической позиции, и эта позиция, понятно, в немалой степени определялась интересами полиса.

Крупное условное землевладение на царской земле тоже существовало, но и оно не помогало формировать собственно греко-македонскую центральную элиту, с ее определенными политическими требованиями. Большинство крупных держателей отнюдь не были уверены, что землю у них не отберут⁴⁵. Они оказывались теми же служащими царя, только более высокого ранга. И только магнаты высочайшего уровня (очевидно, выше, чем большинство тех, кому позволили приписать их поместья к хоре полисов), защитой которых был не закон, а принадлежность к власти, — немногие десятки, возможно, сотня человек — могли отстаивать права на свои домены, расположенные на царской земле. Эти люди тоже не могли стать выразителями политической воли общины греко-македонян, поскольку все их интересы были связаны исключительно с жизнью царского дворца и борьбой за влияние при монархе. Из этого же слоя людей происходили, по всей видимости, мятежные генералы, которые на своих местах воспроизводили царский двор и его сугубо функциональное отношение к греко-македонскому населению.

Таким образом, греко-македоняне не формировали единства, они оставались гражданами своих полисов, которых царь мог призвать на военную службу и за что щедро им платил. Военный потенциал такой системы был не слишком велик, уже хотя бы потому, что ресурсы серебра в казне были далеко не безграничными⁴⁶. Однако ме-

⁴⁴ III в. до н. э.: Аристоклид (RC 10–13), Лаодика (RC 18–20; покупка), II в. до н. э.: возможно, Аристолах (RC 45).

⁴⁵ III в. до н. э.: Мнесимах (Sardis VII.1.1); Афиней (RC. 10); II в. до н. э.: Птолемей, сын Фрасеи (наследственное держание; Hefzibah. 1–5), Деметрий (RC.70). Афиней и Деметрий так или иначе лишаются своей земли, у Птолемея возникают сложности с другими царскими чиновниками.

⁴⁶ *de Callataÿ F. La richesse des rois séleucide et le probleme de taxation en nature // TOPOI. Suppl. 6. 2004. P. 23–47; Bringmann K. Grain, Timber and Money. Hellenistic Kings Finance Buildings and Foundations in Greek Cities // Hellenistic Economies. London, 2001. P. 205–214; idem. L'économie royale au miroir de l'évergétisme des Séleucides // TOPOI. Suppl. 6. 2004. P. 149–164.*

ханизм исправно работал, пока дело касалось только поддержания единства слабо интегрируемых владений, а династия конкурировала с другими эллинистическими монархиями, чей военный потенциал строился на сходных принципах. Но с начала II в. до н. э. главной внешнеполитической проблемой династии стали римляне. Их завоевательные амбиции формировались на протяжении нескольких веков, в условиях тяжелых войн и жесткой конкуренции с соседями. За это время был создан Римско-италийский союз – политическая структура, которая к началу II в. до н. э. уже очень глубоко интегрировала в себя всех отдельных участников.⁴⁷ Этой структуре удалось преодолеть почти непрерывную 30-летнюю серию (218–188 гг. до н. э.; от Второй Пунической — до Азиатской войны) изнурительных военных кампаний и завершить ее блистательными победами.

Противостояние с таким противником требовало колоссального напряжения ресурсов: людских, финансовых, материальных, политических. Но всего две насыщенные кампании в войне против Рима (192 и 189 гг. до н. э.) и поражения в них поставили Селевкидов в сложное военное и экономическое положение и навсегда отбили у династии охоту к открытым вооруженным конфликтам с римлянами.

К ним не готов был уже Антиох IV. После победы римлян над македонянами при Пидне (168 г. до н. э.) много государств было недовольно политикой Рима, когда даже прежние его союзники (Эвмен II Пергамский, Родос и Ахейский союз) подверглись суровым репрессиям⁴⁸. Для Селевкидов это был последний шанс попытаться вернуться в Малую Азию, но Антиох IV ограничился лишь бряцанием оружия — грандиозным военным парадом в Дафне (*Polyb.* XXX. 25–26 (XXXI. 3–4)). К тому же — исключительный для Селевкидов случай — царь оказался связан прочными взаимоотношениями с получившим больше влияние в Малой Азии Пергамом.

В дальнейшем подобная мобилизация сил для династии была уже и невозможна. Династические распри, умело подогреваемые извне, не оставляли царям на это ни времени, ни сил. Совершенно оставленная без внимания, в движение пришла восточная граница державы — активизировались парфяне. В 147 г. до н. э. держава

⁴⁷ *Gabba E.* Rome and Italy in the Second Century BC // САН². Vol. VIII. 1989. P. 207–212; о военной роли союза см.: *ibid.* P. 221–225, а также, например: *Polyb.* II. 24. 1–17 (приготовления к нашествию галлов в 225 г. до н. э.).

⁴⁸ *Deiniger J.* Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland. Berlin; New York, 1971. S. 191–208; *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010. С. 104–107.

лишилась Мидии, в 141-м — Вавилонии. Процесс развала державы набирал обороты. И греко-македонское население сыграло в нем далеко не последнюю роль.

Литература

- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бокищанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1960. Т.1.
- Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010.
- Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas Aeterna*. Вып.1. Саратов, 2005. С. 73–85.
- Саркисян А.Х.* Самоуправляющийся город в селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С.68–83.
- Adams W.L.* The Hellenistic Kingdoms // *The Cambridge companion to the Hellenistic world*. Cambridge, 2006. P. 28–51.
- Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Organization and tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976.
- Bellinger A. R.* The End of the Seleucids // *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. 1949. Vol. 38. P. 51–102.
- Billows R.A.* Kings and colonists: aspects of Macedonian imperialism. Leiden; New York; Köln, 1991.
- Bringmann K.* Grain, Timber and Money. Hellenistic Kings Finance Buildings and Foundations in Greek cities // *Hellenistic economies*. London, 2001. P. 205–214.
- Bringmann K.* L'économie royale au miroir de l'évergétisme des Séleucides // *ТОПОИ*. Suppl. 6. 2004. P. 149–164
- Chamoux F.* Hellenistic Civilization. Malden, 2002 (перевод книги 1981 г.).
- de Callatay F.* La richesse des rois séleucide et le probleme de taxation en nature // *ТОПОИ*. Suppl. 6. 2004. P. 23–47.
- Deiniger J.* Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland. Berlin; New York, 1971.
- Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus I to the Arab conquest. Princeton, 1961.
- Dreyer B.* Wie man ein “Verwandter” des Königs wird — Karrieren und Hierarchie am Hofe Antiochos’ III // *New Studies on the Seleucids*. Kraków, 2011. P. 97–114.
- Ehling K.* Unruhen, Aufstände und Abfallbewegungen der Bevölkerung in Phönicien, Syrien und Kilikien unter den Seleukiden // *Historia*. 2003. Bd. 52. Ht. 3. S. 300–336.

- Engels J.* Posidonius of Apameia and Strabo of Amasia on the Decline of the Seleucid Kingdom // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor. Wiesbaden, 2011. P. 181–194.
- Fingerson K.R.* Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna // *AncSoc.* 2007. Vol. 37. P. 107–120.
- Gabba E.* Rome and Italy in the second century BC // *CAH².* Vol. VIII. 1989. P. 197–243.
- Gehrke H.-J.* Geschichte des Hellenismus. München, 2008.
- Habicht Ch.* The Seleucids and Their Rivals // *CAH².* Vol. VIII. 1989. P. 324–387.
- Hammond N.G.L.* Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during the Period of the Temenid Monarchy // *Historia.* 1990. Bd. 39. Ht. 3. P. 261–290.
- Hammond N.G.L.* The Continuity of Macedonian Institutions and the Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // *Historia.* 2000. Bd. 49. 2. P. 141–160.
- Heckel W.* “Somatophylakia”: a Macedonian “cursus honorum” // *Phönix.* 1986. Vol. 40. No 3. P. 279–294.
- Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003.
- Hoover O.D.* Two Seleucid Notes: II. Laodice IV on the Bronze Coinages of Seleucus IV and Antiochus IV // *AJN.* 2002. Vol. 14 . P. 81–87.
- Houghton A., Lorber C., Hoover O.D.* A Comprehensive Catalogue of Seleucid Coins. Part II: Seleucus IV — Antiochus XIII. New York; Lancaster, 2008.
- Lock R.A.* The Origins of the Argyraspids // *Historia.* 1977. Bd. 26. Ht. 3. P. 373–378.
- Ma J.* Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 2000.
- Meissner B.* Hellenismus. Darmstadt, 2007.
- Mittag P.F.* Blood and Money: on the Loyalty of the Seleucid Army // *Electrum.* 2008. 14. P. 47–56.
- Musti D.* Syria and the East // *CAH².* Vol. VII. Part. 1. 1984. P. 175–220.
- Ramsey G.* Seleucid Administration—Effectiveness and Dysfunction among Officials // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor. Wiesbaden, 2011. P. 37–50.
- Rigsby K.J.* Seleucid notes // *TAPA.* 1980. Vol. 110. P. 233–254.
- Robert L.* Études anatoliennes. Paris, 1937.
- Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol.1–3.
- Savalli-Lestrade I.* Les “*philot*” royaux dans l’Asie hellénistique. Genève, 1998.
- Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic reformed armies (168–145 BC). Vol. 1: Seleucid Army. Stockport, 1994.
- Seyrig H.* Séleucos I et le fondation de la monarchie Syrienne (Antiquités Syriennes. 92) // *Syria.* 1970. 47. 3–4. P. 291–310.
- Shutt R.J.H.* Studies in Josephus. London, 1961.
- Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979.
- Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2. Nancy, 1982.